

УДК 930.2

**ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ:
НЕАКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКИХ ВРЕМЕН
ИЛИ СЕГОДНЯШНЯЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ДАННОСТЬ?
(ДИСКУССИОННЫЕ ЗАМЕТКИ)**

© 2015 Г.М. Ипполитов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Поступила в редакцию 29.09.2015

В статье анализируется принцип партийности исторической науки как в советский период, так и на современном этапе ее развития. Материал изложен в дискуссионном ключе.

Ключевые слова: принцип партийности, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, методология, советский период, марксизм-ленинизм, объективность, социальный подход.

Едва появится на свет Божий новая идея, тотчас все узкие эгоизмы, все ребяческие тщеславия, вся упрямая партийность... набрасываются на неё, овладевают ею, выворачивают её наизнанку, искажают её...

П.Я. Чаадаев¹

Наука о культуре, обществе и истории должна быть также свободна от оценочных суждений, как и наука естественная. Вкусы историка не должны вторгаться в пределы его научных суждений.

М. Вебер²

В начале XXI века выглядит аксиоматичным тезис о том, что современное научное знание – нелинейная система, состоящая из большого числа элементов³. Особенность их заключается в том, что они не являются однородными, что еще больше усложняет науку как систему⁴. Поэтому в научном исследовании, кроме методологических подходов, важное место отводится и методологическим принципам⁵. Их значимость, в частности, для исторической науки усиливается тем, что предмет ее исследования в подавляющем большинстве случаев отличается многоаспектностью⁶. Следовательно, не исключаются и плюрализм, и субъективизм в трактовке тех или иных аспектов предмета исследования. Здесь-то и нужны принципы в качестве методологических ориентиров⁷.

Что характерно: современные исследователи смело оперируют многими принципами исторической науки, ставя при этом во главу угла основополагающие из них – объективности⁸ и историзма. И такая постановка решения научной

проблемы не вызывает особых дискуссий. Но как только дело доходит до принципа *партийности*, сразу возникает поле спора, на котором иногда нормальные научные дискуссии переходят в разряд полемики. Причем полемики (а она, естественно, имеет в науке право на жизнь), носившей в лихие девяностые иногда даже «зубодробильный» характер.

Автор настоящей статьи решил поделиться дискуссионными рассуждениями на предмет принципа партийности в исторической науке. Что этот принцип представляет собой на современном этапе развития отечественной исторической науки: неактуальное наследие советских времен или сегодняшнюю методологическую данность? Разумеется, приводимые ниже рассуждения не содержат даже намека на изречение прописных, но абсолютизированных истин. Ведь они, как известно, верны, но только до первого теоретического ухаба.

Стратегия и логика научно-исторического исследования настоятельно диктуют начать освещение темы, означенной выше, с раскрытия основных вех процесса генезиса и эволюции принципа партийности исторической науки. Ведь еще в 1965 г. М.В. Нечкина высказала очень оригинальное суждение, когда посчитала, что

Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г.Самара. E-mail: gippolitov@rambler.ru

нельзя разделять историю исторической науки и историю мысли, в первую очередь исторической. По мнению крупного советского ученого, без истории мысли «наука превращается в грудку фактов, а история науки – в простую библиографию предмета»⁹. И вряд ли здесь что-нибудь можно возразить по существу.

Раскрытие проблемы, означенной выше, начнем с такой констатации: генезис принципа партийности имеет свои корни в далеком прошлом, а точнее в научной мысли Древней Греции. Это хорошо заметил выдающийся советский российский методолог исторической науки Б.Г. Могильницкий (1929-2014). Он писал в данной связи, что Геродот являлся партийным историком. Его партийность являла собой образец партийности афинского гражданина-демократа¹⁰. Надо полагать, даже самые ярые противники марксистской методологии (а профессор Б.Г. Могильницкий творил именно в данной теоретико-методологической системе координат) скорее всего не смогут возразить здесь что-то весомое. Если, конечно, они не исповедуют зоологический антикоммунизм, но тогда их «весомость» сведется к навешиванию ярлыков и не более того.

Выходит, что принцип партийности по своей природе историчен. Например, в свое время его употребил, судя по эпиграфу к настоящей статье, русский философ П.Я. Чаадаев (1794-1856), которого, как известно, императорская власть объявила сумасшедшим за его сочинения¹¹, в коих резко критиковалась действительность русской жизни. А знаменитый граф С.С. Уваров (1786-1865), апологет своей триады «самодержавие, православие, народность»¹², рассуждал о том, что в Российской империи имеются две партии относительно народности: «Одна из них воюет в пользу России допетровской, а другая – России послепетровской, причем корень обеих партий не в какой-нибудь скоропреходящей литературной мечте, а в истории...»¹³.

Принцип партийности в своей эволюции все больше зависел от идей, которые довели над творчеством историка. И это естественный ход событий: «Я не знаю общества свободного от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество – это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они – общество. Ещё труднее мне подумать, что идеи лишены участия в историческом процессе»¹⁴, – писал в свое время великий российский историк В.О. Ключевский (1841-1911). История мировых цивилизаций подтвердила мысль маститого ученого о великой силе идей, как созидательных, так и разрушительных.

При этом необходимо особенно подчеркнуть, что принцип партийности, на всем протяжении своего развития, эволюционировал в исторической мысли к следующему положению: историк

зависит в своих научных изысканиях не только от своих личных пристрастий, предпочтений, заблуждений, но и от исходных посылок, установок, облаченных в форму идей (порою облаченных в доктринальную форму), даваемых ему тем или иным классом, социальной стратой, к которой ученый принадлежит или обслуживает ее интересы. И такие идеи несут в себе громадный потенциал управления творчеством историка: как следствие, историк всегда выражает чьи-то партийные интересы¹⁵.

И данный тезис К. Маркс, Ф. Энгельс и особенно В.И. Ленин детально обосновали, четко структурировали и... возвели в категорию истины в последней инстанции. Вот их некоторые основные положения: «...мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»¹⁶; стремление к истине, свойственное подлинным ученым, совпадает с интересами и стремлениями рабочего класса (мысль Ф. Энгельса¹⁷); история – наука партийная, отражающая борьбу различных общественных сил классового общества¹⁸; партийность обязывает «...при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹⁹; «...беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая»²⁰; «...вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины здесь нет»²¹; «...долгой литераторов беспартийных!»²²; «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»²³; «...жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»²⁴.

Конечно, вряд ли найдется научный смельчак, который попытается постулаты, изложенные выше, возведенные (повторим еще раз) в категорию истин последней инстанции, абсолютно их опровергнуть. Его ждет неудача, так как есть в данных мыслях (исключительно категоричных) «рациональное зерно».

Но в советский период развития исторической науки подобные постулаты не только пытались всемерно закрепить, но и всемерно развить. Высказывалась, к примеру, такая мысль: принцип партийности, *во-первых*, отражает социальное, классовое содержание общественно-исторического познания, *во-вторых*, он предполагает определенную оценку изучаемых явлений и процессов. При этом особенно подчеркивалось, что советские историки имеют на вооружении не просто принцип партийности, а принцип **коммунистической** партийности. А он включает в себя обязательную критику буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, всех антимарксистских, реакционных теорий и концепций. Всякое умаление коммунистической партийности в современных условиях объективно служит усилению буржу-

азной партийности, часто маскирующейся под оболочку «беспартийности»²⁵.

Кроме того, принцип партийности, доказательству особой значимости которого посвящались даже докторские (!) диссертации²⁶, стали иногда отождествлять с принципом объективности²⁷. Отдельные авторы утверждали здесь буквально следующее: «...в марксистско-ленинских общественных науках объективность сливается с пролетарской партийностью и проявляется только через нее. Признание одновременного существования в марксистско-ленинской исторической науке принципов партийности и объективности логически неизбежно приводит к противопоставлению – первого второму, что не соответствует реальному положению вещей»²⁸.

Правда, иногда высказывались в данной связи и менее категоричные, но по сути те же, что приведенное выше, суждения. Так, крупный советский методолог исторической науки Е.М. Жуков (1907-1980), справедливо отмечая мысль В.И. Ленина о том, что буржуазные профессора, будучи «приказчиками класса капиталистов», нередко дают объективные научные знания, которые марксистам не следует игнорировать, выдает далее такое суждение: «... «партийность», т.е. социально-политическая направленность того или иного исторического труда, определяется не субъективным положением его автора, а теми действительно объективными условиями, в которых формируется индивидуальный выбор его идейной позиции и протекает его творчество. Противоречие между партийностью и научной объективностью может возникнуть и неизбежно возникает в том случае, когда исследователь пренебрегает реальными потребностями прогрессивного социального развития, вступает в противоречие с ним. Поэтому партийность марксистской общественной науки, отражающей взгляды самого передового класса современного общества, свободна от предвзятости»²⁹.

Тем не менее жестко постулировались следующие положения: 1) проблема партийности связана с особенностями исторического познания, с природой исторической науки; более того, принцип партийности приобретает характер закономерности для исторических наук, поскольку пронизывает все стороны деятельности исследователя, начиная от анализа источника, кончая созданием той или иной исторической концепции; 2) партийность и объективность выступают как составные части марксистско-ленинской методологии, лежащей в основе научного познания действительности и ее революционного преобразования³⁰.

Так выполнялись доктринальные установки политических лидеров и идеологов правившей в нашей стране с ноября 1917 г. по 1992 г. коммунистической партии о том, что принцип партийности в исторической науке не только уза-

конивался в качестве универсального и ведущего, но и возводился в абсолют³¹. Например, такое доктринальное положение было озвучено одним из ведущих идеологов ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым (1905-1995): «...партийность советской исторической науки означает высшую объективность в раскрытии исторического процесса»³².

И даже уже на закате истории КПСС в свете решений ее высшего руководящего органа – XXVII съезда (1986 г.) – констатировалось буквально следующее: «Партийность в марксистско-ленинском понимании предполагает научность, объективность познания, а значит, необходимость искать и умение находить и открыто провозглашать истину, как бы горька и беспощадно критична она ни была; это значит сочетать в исследовании предметность, чистоту и незыблемость исходных принципов теории с их постоянным творческим обогащением, ориентацией на постановку и решение новых проблем. Партийность означает сознательное выражение интересов рабочего класса, потребностей и задач его революционной борьбы за победу социализма и коммунизма. И поскольку эти интересы совпадают с объективными закономерностями общественного развития, с интересами прогресса всего человечества, партийность марксистско-ленинской теории совпадает с научностью, устремленностью к истине, с подлинным гуманизмом»³³.

Между тем нельзя не отметить, что в поздней советской историографии (перестройка), в 1989 г., увидела свет работа Б.Г. Могильницкого «Введение в методологию истории». Думается, что в ней крупный ученый дальше других отошел от догматической абсолютизации принципа коммунистической партийности. Основные суждения историка сводятся к следующему: «В классовой направленности исторической науки выражается ее партийность. Если пристрастность историка является субъективным качеством, часто действительно отрицательно влияющим на его работу, то партийность – категория объективная, отражающая определенную закономерность, присущую самому историческому познанию. Мы определяем партийность в исторической науке как подход ученого к исследованию исторической действительности с позиций определенного класса, проявляющийся в проведении в его историографической практике идей, взглядов, настроений, идеалов этого класса»³⁴.

Но далее маститый ученый сделал удивительно содержательное суждение о том, что сказанное им выше, разумеется, не означает, что «партийность присуща каждому без исключения историческому исследованию. Во все времена существовали труды историков, лишённые всякого общественного звучания. Посвященные, как правило, малозначимым историческим деталям, также работы часто демонстрируют высокую профессиональную технику их авторов в сфере

обработки источников. Но не озаренные светом общей исторической теории, не опаленные жаром современных им социально-политических конфликтов и идейной борьбы, они никогда не определяли и не могут определять облик исторической науки, ибо в противном случае она перестала бы выполнять свою важнейшую социальную функцию»³⁵.

Исследователь одним из первых высказал мысль о том, что сегодня коренным теоретическим вопросом, выдвинутым перед марксистским обществоведением самой жизнью, «является вопрос о сочетании классового и общечеловеческого начал в реальном мировом развитии, а следовательно, и в изучении этого развития исторической наукой»³⁶.

Автор анализируемой работы справедливо отметил, что не следует абсолютизировать принцип партийности. По его мнению, партийность ученого не является неким абсолютом, не целью и автоматически определяющим результаты его исследований. «В процессе исторического познания она находится в сложных и нередко противоречивых отношениях с другими его принципами. Характер этих отношений может как содействовать, так и препятствовать реализации принципа партийности в конкретной исследовательской практике. Наиболее распространенным здесь является противоречие между партийной позицией ученого и объективными результатами его творчества...

Расхождение между позицией историка и объективной значимостью его трудов имеет другой аспект. Декларирование ученым идей передового общественного класса автоматически не определяет научную эффективность его историографической практики. Во все времена существовало немало посредственных, исторических произведений, не соответствующих прогрессивным политическим и общественным идеалам своей эпохи или даже в разной степени противоречащих им, как бы громкогласно их авторы ни клялись в своей верности этим идеалам»³⁷.

Б.Г. Могильницкий верно отметил, что историографическая практика обладает определенной самостоятельностью, автономией. Имеется много тем и сюжетов, которые не находятся в жесткой зависимости от классовой позиции историка³⁸. По его суждению, попытка полностью идентифицировать партийную позицию отдельного ученого, исторической школы или целого исторического направления с их исследовательской практикой «огрубляет действительную картину развития исторического знания и в последнем счете лишь компрометирует сам принцип партийности исторической науки»³⁹.

Правда, столь неординарные суждения, не потерявшие, с точки зрения автора настоящей статьи, актуальности и сегодня, Б.Г. Могильницкий конкретными примерами из историографической практики не подтвердил.

Что характерно: в поздней советской историографии (перестройка), все в том же 1989 г., издали монографию Н.А. Бурмистрова (1925-2004)⁴⁰. В советской историографии она стала единственным целевым исследованием, посвященным именно принципу партийности⁴¹. Ученый проследил эволюцию понятия «принцип партийности» на основе анализа положений, почерпнутых у Г. Гегеля (1770-1831), И. Канта (1724-1804), К. Маркса (1818-1883), Ф. Энгельса (1820-1895), В.И. Ленина (1870-1924), а также русских публицистов и мыслителей – В.Г. Белинского (1811-1848), А.И. Герцена (1812-1870), Н.Г. Чернышевского (1828-1889), Н.А. Добролюбова (1836-1861), Д.В. Писарева (1840-1868), М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889) и др. и установил: в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса не встречается термин «партийность», но они широко употребляли другие: «классовый интерес», «классовый инстинкт», «классовая тенденция», «классовая позиция». Н.А. Бурмистров справедливо отмечал: «Интересы различных общественных групп выступают важным средством социальной ориентации науки...»⁴².

В начале 1990-х годов, в процессе формирования новой российской государственности, процесса сложного, драматического, а порою и трагического, отечественная историческая наука вошла в полосу серьезного кризиса⁴³. Тогда исследователи уподоблялись музыкантам оркестра, занявшим места в оркестровой яме, но забывшим ноты. Они гордо, зачастую помпезно, отрекались от марксизма в методологии истории⁴⁴, а заменить его ничем не смогли⁴⁵. Погнались за новомодными парадигмами с Запада и...потерялись.

И в такой ситуации ученые стали дружно игнорировать принцип партийности в качестве составляющей методологических оснований исторических, историографических, источниковедческих исследований. Первыми это сделали соискатели ученых степеней. Так, автор данной статьи проанализировав более 30 авторефератов кандидатских и более 10 авторефератов докторских диссертаций, защищенных в 1994-1998 гг. по специальности 07.00.02 – отечественная история, установил: ни в одном из них принцип партийности во фрагментах, посвященных методологическим основам исследования, просто не упоминается (точно так же, кстати, как и классовый подход к оценке событий и явлений). Понятно, что здесь мы имеем во многом дело с конъюнктурным явлением (зачем усложнять себе процедуру защиты). И все-таки оно имеет, в какой-то степени знаковый характер.

Подобную «аллергию» на принцип партийности можно в какой-то степени, видимо, объяснить следующим обстоятельством: данный принцип, что выше отмечалось, предполагал в императивном ключе обязательное выяснение и учет при анализе исторической концепции классовой позиции того или иного историка. Ведь

в методологии советской исторической науки только принцип коммунистической партийности отождествлялся с научностью. Поэтому исследователи анализируемого выше периода посчитали, что следование принципу партийности не позволяет историку быть объективным.

Между тем нельзя не заметить того, что в условиях кризиса отечественной науки раздавались голоса, если не в защиту принципа партийности, то по крайней мере взвешенного к нему подхода. Так, в 1995 г. В.С. Пряжеин посчитал возможным использование в историографическом исследовании данного принципа с его частным случаем – принципом полного учета социально-субъективного в предмете исследования и максимально возможной нейтрализации предвзятого отношения при интерпретации в оценке факта. По его мнению, этот «частный случай» «находится, по сути, в лоне принципа объективности и является не абстрактным и огульным, а конкретным и диалектическим отрицанием принципа партийности»⁴⁶. Но все-таки подобные зрелые рассуждения исследований начала 1990-х были не столь уж частым явлением.

Характерно и то, что во второй половине 1990-х годов дефиницию «партийность» стали заменять новым понятием – «социальный подход». Причем в контексте изложенного выше вернули из кладеза исторической мысли изрядно к тому времени подзабытое положение замечательного русского марксиста Г.В. Плеханова (1856-1918): «Там, где историку приходится изображать борьбу противоположных сил, он неизбежно будет сочувствовать той или другой... В этом отношении он будет субъективен... Но такой субъективизм не помешает ему быть совершенно объективным историком, если только он не станет искажать реальные экономические отношения, на почве которых выросли общественные силы»⁴⁷.

Правда, здесь у авторов второй половины 1990-х годов получилась своего рода эклектическая смесь. Вот пример: А.А. Аникеев выделяет среди принципов исторической науки принцип «партийно-классовый»⁴⁸. Но буквально на следующей странице он употребляет уже понятие «партийно-классовый подход»⁴⁹. А ведь известно, что в методологии науки вообще, и исторической в частности, понятие «подход» отнюдь не тождественно понятию «принцип» или понятию «метод»⁵⁰.

Тем не менее манипуляции с дефинициями «партийность» и «социальный подход», освещенные выше, стали симптоматичными в плане пересмотра отношения к принципу партийности как составляющей методологической основы исторических, историографических, источниковедческих исследований. Например, отдельные авторы считают, что принцип социального подхода предполагает рассмотрение историко-экономических процессов с учетом социальных интересов различных слоев населе-

ния, различных форм их проявления в обществе. «Этот принцип (еще его называют принципом классового, партийного подхода) обязывает соотносить интересы классовые и узкогрупповые с общечеловеческими, учитывая субъективный момент в практической деятельности правительств, партий, личностей»⁵¹.

В процессе же выхода из кризиса отечественной исторической науки⁵² ученые-историки попали в систему координат, которую можно назвать методологическим плюрализмом мнений (кое-кто даже спутал плюрализм мнений с плюмаризмом мнений⁵³). И в подобной ситуации если многие методологические крайности 1990-х годов как-то нивелируются более верифицированными положениями и взвешенными аксиологическими суждениями, то вокруг принципа партийности – этого родового признака марксистско-ленинской методологии советской исторической науки (подобно классовому подходу к оценке событий и явлений)⁵⁴, по-прежнему наблюдается все-таки повышенный градус дискуссионности⁵⁵. Причем все это протекает на фоне, когда определение «партийность» по объёму терминологии основательно заузилось, однако его прежний смысл утрачен не был. Теперь, к примеру, в энциклопедических изданиях партийность рассматривается как «принцип поведения людей, направленность политической и идеологической деятельности»⁵⁶.

Следовательно, сущность «советской» партийности в основном сохранилась и в нынешних условиях, заменена только «политическая и идеологическая борьба» на «политическую и идеологическую деятельность».

Однако в современной российской исторической науке принимала все более устойчивый характер историографическая тенденция осторожного, исключаящего огульный нигилизм отношения к методологическому принципу партийности исторической науки. Например, в 2003 г. М.Ю. Лачаева высказала мысль о том, что полное забвение в последнее время принципа партийности приводит к игнорированию того несомненного факта, что историк не свободен от того заказа, которое дает ему общество на каждом этапе своего развития, и не может в полной мере отрешиться от своей общественно-политической позиции⁵⁷. Историограф обязан раскрыть факторы, влияющие на позицию, взгляды, концепцию автора анализируемого исторического произведения, то есть изучить социально-субъективное, классовое, партийное в подходе автора к отбору исторических фактов и их интерпретации.

Необходимо отдельно подчеркнуть, что сохраняется в научном обороте сегодня и понятие «социальный подход». Между тем, видимо, можно согласиться с А.Т. Степанищевым, считающим, что понятие, приведенное выше, не претендует на научное долготеление, поскольку в нём заложено множество противоречий. «Социальный» – это «об-

условленный делением общества на классы». «И, если бы наше общество действительно было чётко разделено на классы, если бы имелись партии, отражающие интересы только конкретных классов, тогда понятие «социальный подход» могло стать жизненным. Но возможно ли в современной России, среди наиболее крупных партий, встретить такую, которая отражала бы интересы какой-то одной социальной группы – рабочих, крестьян, государственных служащих, торговых работников и т.д.? Даже в КПРФ, объявившей о защите интересов трудящихся, партийные билеты имеет олигарх и рабочий, пенсионер и милиционер, актёр и фермер, академик и писатель и т.д. Поэтому понятие «партийность», а не «социальный подход», носит более устойчивый характер, поскольку историк-партиец в своём исследовании, вольно или непроизвольно, будет отражать интересы идеологии своей партии, а не интересы каждой из десятков социальных групп, представители которых входят в эту партию», – отмечает, причем в очень читабельном стиле, А.Т. Степанищев⁵⁸.

Можно также согласиться и с другими обобщениями А.Т. Степанищева, свидетельствующими о том, что принцип партийности на современном этапе развития отечественной науки никуда не исчез: «Партийность – это когда человек, взявшись за перо для написания исторического труда, сам себя приговорил любить и чествовать одних без права даже на мизерное возражение других, и линчевать этих других без малейшей надежды на помилование с его стороны; партийность – это когда, говоря словами В.О. Ключевского, «...здравый и здоровый человек лепит Венеру Милосскую из своей Акулины и не видит в Венере Милосской ничего более своей Акулины» (Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т.IX. М., 1990. С.373)⁵⁹.

Небезынтересен и взгляд на проблему принципа партийности в проблемно-тематических историографических исследованиях, высказанный В.Я. Ефремовым в его докторской диссертации. Он отмечает, что применение этого принципа в историографических исследованиях, проводимых в системе координат современных научно-исследовательских парадигм, требует осторожности и ограниченности. Принцип партийности можно использовать преимущественно при оценке научного вклада тех ученых, которые подчинили факты истории обоснованию позиций какой-либо партии.

«Между тем вряд ли правомочно следовать в русле наметившейся в начале 1990-х гг. тенденции в постсоветской историографии, суть которой – исключительно нигилистическое отношение к принципу партийности в методологии исторических и историографических исследований. И хотя сегодня данная тенденция не получила большого распространения, соискатель считает обязательным продекларировать свое отношение к ней: она ненаучна», – констатирует

В.Я. Ефремов⁶⁰. Данная позиция, конечно, сформулирована категорично, даже жестко, но вряд ли следует ее оспаривать.

В то же время нельзя не заметить, что в современной историографии рассматриваемой проблемы сохраняется тенденция жестких оценок принципа партийности не только как устаревшего, но и в качестве дискредитировавшего себя. Так, А.В. Бочаров утверждает буквально следующее: «В связи с дискредитацией понятия «партийность» его предпочитают избегать в современной методологии истории. Было введено понятие «ценностный подход», который можно определить как принципиальное требование учёта одним историком влияния мировоззрения других историков на создание образа событий, а также требование рефлексии по поводу собственных мировоззренческих оснований»⁶¹.

Но здесь все та же эклектика: принципы и подходы объявляются тождественными, что далеко не так. Нельзя согласиться и с таким жестким аксиологическим суждением, как дискредитация понятия «партийность». А.В. Бочаров выдает также желаемое за действительное, когда утверждает, что в современной методологии истории дефиницию «принцип партийности» предпочитают избегать. Из материалов данной статьи становится ясным, что если понятие «принцип партийности» в 1990-е годы (главным образом, в первой их половине) действительно исследователи старались избегать, то в современной историографии данная дефиниция имеет место в научном обороте. Думается, что в учебном пособии такие излишне категоричные суждения, оценки, которые допустил А.В. Бочаров, вряд ли уместны (ведь учебное пособие – это не дискуссионная статья или выступление на научной конференции).

Итак, резюмируя вышеизложенное, попытаемся ответить на вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи.

Принцип партийности исторической науки – порождение марксизма, ставшее родным детищем советской методологии исторической науки. Он творчески развивался в системе теоретико-методологических координат теперь уже догматизированного марксизма в большевистском его измерении (читай: марксизма-ленинизма), столь умело приспособленного политическими лидерами и идеологами правившей в Советском государстве компартии к обслуживанию своих нужд, запросов, интересов. При этом нельзя сбрасывать со счетов того обстоятельства, что в поздней советской историографии (перестройка) предпринимались попытки (хотя, конечно, непоследовательные, в чем-то робкие и наивные) очищения рассматриваемого принципа от догматических наслоений.

Принцип партийности исторической науки в постперестроечной историографии (первая половина 1990-х годов) стал исследователями

игнорироваться как с конъюнктурных позиций, так и из-за своего рода «аллергии» на марксизм-ленинизм в качестве методологии истории. Однако в постсоветской историографии (вторая половина 1990-х годов) стала, правда, пока еще не очень явно, оформляться тенденция взвешенного подхода к рассматриваемому принципу. И все это происходило на фоне смены цивилизационной парадигмы, формирования новой российской государственности, когда отечественная историческая наука находилась в кризисе.

Принцип партийности исторической науки в современной российской историографии – дискуссионное поле, на котором в условиях выхода отечественной науки истории из кризиса в системе координат плюралистического многоголосия ломаются копыя, искривляются мечи. Но, как бы ни остры были дискуссии, редко встретишь отказ анализируемому принципу на существование.

Итак, принцип партийности исторической науки не может сегодня быть отнесен к разряду неактуального наследия советских времен. Являлся бы он таковым, не попал бы сегодня в дискуссионное теоретико-методологическое поле.

А можно ли считать рассматриваемый принцип методологической данностью в современной отечественной исторической науке? Если исходить из значения слова «данность» как объективная действительность⁶², то безапелляционно да.

Главное, чтобы эту данность применительно к принципу партийности исторической науки снова, как в советские времена, не возвели в ранг доктринальной установки...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чаадаев П. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Философические письма. Апология сумасшедшего. М., 2009 [Электронный ресурс] // Библиотека «Вехи» [сайт] – URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения: 18.09.2015).

² Вебер М. Избр. произв. Пер. с немецкого. М., 1990. С.26.

³ См., напр.: Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, исторические типы. М., 2000; Филатов Т.В. Общие проблемы философии науки. Избранные лекции для аспирантов. Ч.1. Самара, 2007 и др. Естественно, что не является здесь исключением и «наука истории». В кавычки взята речевая конструкция, авторы которой – К. Маркс (1818-1883) и Ф. Энгельс (1820-1895). «Мы знаем только одну единственную науку, – писали эти выдающиеся немецкие мыслители, – науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.3. С.16, прим.).

⁴ См., напр.: Блауберг И.В. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978; Афанасьев В.Г. Системность и обще-

ство. М., 1980; Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход М., 1982; Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1983; Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи. СПб., 1991; Юдин Э.Г. Методология. Системность. Деятельность. М., 1997 и др.

⁵ Общеизвестно, что принцип, с общеполитической точки зрения, представляет собой основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям (см.: Энциклопедия социологии. М., 2003. С.374.).

⁶ См., напр.: Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978; Петров Ю.В. Практика и историческая наука. Проблема субъекта и объекта в исторической науке. Томск, 1981; Ипполитов Г.М. Объект, предмет, субъект исторического познания: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т.9. №2 (апр. – июнь). С.281-296.

⁷ Данное обстоятельство подчеркивается в современных исследованиях (см., напр.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003; Его же. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. №1. С.3-34; Аникеев А.А. Методология классической историографии. Учеб. пособие. Ставрополь, 2004; Ипполитов Г.М. Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете // Новая и новейшая история. 2007. №5. С.80-89; Его же. О некоторых аспектах методологии историографического исследования // Вестник Самарского гос. пед. ун-та. Ист. фак-т. Вып.3 «Актуальные проблемы истории, археологии и педагогики». Самара, 2007; Его же. Как трудно избежать соблазна биографию писать, или Размышления о некоторых теоретико-методологических основах исследования исторических персоналий // Клио. Журнал для ученых. 2011. №6. С.143-149; Репинцевский А.И. Историческая психология: к вопросу об объекте и предмете исследования // Методология и методы исторической психологии: Материалы XXVI Международ. науч. конф. Санкт-Петербург, 14-15 декабря 2009 г. СПб., 2009. С.9-14 и др.

⁸ Попутно заметим, что ряд ученых предлагают сегодня вывести категорию «объективность» из разряда принципов и рассматривать в качестве конечной цели любого жанра исторических исследований. Так, В.Д. Камынин пишет в данной связи буквально следующее: «По нашему глубокому убеждению, «объективность» не может являться принципом исследования. Она выступает целью историографического исследования, к достижению которой стремятся все настоящие исследователи» (Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX-XXI столетий // Известия Уральского государственного университета. 2010. №3(78). С.64). По суждению автора данной статьи, это весьма оригинальное, но очень дискуссионное положение. Надо полагать, оно требует дополнительной проработки.

⁹ Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей. М., 1965. С.8.

¹⁰ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С.76.

- ¹¹ См., напр.: Тарасов Б.Н. Чаадаев. 2-е изд. доп. М., 1990.
- ¹² См., напр.: Пайтс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013.
- ¹³ Цит. по: Кулешов В.И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958. С.181.
- ¹⁴ Ключевский В.О. Соч. Т.1. Курс русской истории. М., 1987. С.53.
- ¹⁵ Попутно заметим, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что без партий «нет развития, без размежевания нет прогресса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т.1. С.113).
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С.59.
- ¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С.317.
- ¹⁸ См.: Энгельс – теоретик. М., 1970. С.333.
- ¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. С.419.
- ²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.12. С.138.
- ²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.6. С.39.
- ²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.12. С.100.
- ²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.22. С.101.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.12. С.104.
- ²⁵ См., напр.: Иванов В.В. Ленинский принцип партийности и научная объективность // Средние века. 1980. Вып.43. С.5-6.
- ²⁶ См., напр.: См.: Бурмистров Н.А. Партийность исторической науки: источниковедческий, историографический и методологические аспекты. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 1986.
- ²⁷ Данной проблеме посвящались большие статьи (см., напр.: Могильницкий Б. Г. Объективность и партийность в историческом исследовании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сб. Томск, 1964. №2).
- ²⁸ Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С.78.
- ²⁹ Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980. С.43-440.
- ³⁰ Иванов В.В. Указ. соч. С.10.
- ³¹ См., напр.: О мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам: всесоюзное совещание, 18-21 дек. 1962 г. М., 1964; Обсуждение вопросов методологии истории на расширенных заседаниях секции общественных наук президиума АН СССР 3 и 6 января 1964 года // Вопросы истории. 1964. №5. С.3-34; Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вестник Академии наук СССР. 1963. №2. Февраль. С.3-37.
- ³² Пономарев Б.Н. Указ. соч. С.36.
- ³³ Цит. по: XXVII съезд КПСС: творческий вклад в марксистско-ленинскую теорию / Под общей ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С.115. Попутное замечание, имеющее отношение к проблемно-тематической историографии: в советский период развития исторической науки принцип партийности однозначно предполагал обязательное выяснение и учет при анализе исторической концепции классовых позиций того или иного историка его социального происхождения, принадлежности к определенной политической партии. Так, один из выдающихся советских историков А.И. Зевелев констатировал следующее: «Принцип партийности имеет решающее значение при рассмотрении истории борьбы за утверждение и дальнейшее развитие в исторической науке марксистско-ленинской концепции исторического процесса, научной методологии исследования, материалистического понимания истории, означавшего необходимость заново изучить историю... Основываясь на том, что познавательный процесс носит социально-классовый характер и что классовая борьба рассматривается как основа теорий и учений, коммунистическая партийность в историографии дает возможность определить классовую направленность историографических фактов и выявить причины классово-побуждающих мотивов их появления» (Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С.62-63.).
- ³⁴ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С.74.
- ³⁵ Там же. С.75.
- ³⁶ Там же. С.81.
- ³⁷ Там же. С.82.
- ³⁸ Там же. С.83.
- ³⁹ Там же. С.83-84.
- ⁴⁰ См.: Бурмистров Н.А. Классовая природа партийности исторической науки (Теория и практика исследования). Казань, 1989.
- ⁴¹ Заметим, что раньше на 10 лет выхода в свет книги, указанной выше, Н.А. Бурмистров стал автором исследования «Партийность исторической науки» (Казань, 1979). Его многие положения вошли в исправленном, переработанном и дополненном виде в монографию, анализируемую выше в основном тексте статьи.
- ⁴² Бурмистров Н.А. Классовая природа партийности исторической науки (Теория и практика исследования). Казань, 1989. С.6.
- ⁴³ См., напр.: Гуревич А.О. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3. С.21-36; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; Данилов В.Л. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. №6. С.95-101; Корнеев В.В. Кризис исторической науки в России // Кентавр. 1994. №4 и др.
- ⁴⁴ Тогда, к примеру, А.А. Искендеров посчитал, что кризис отечественной историографии в основном порожден кризисом марксизма (прежде всего метода материалистического понимания истории в его крайне детерминированной форме). Марксизм, в его понимании, вывел историю за пределы науки, превратив ее в составную часть пропаганды (Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. №4. С.7-8). Но здесь представлена позиция зрелого ученого. Однако в начале лихих девяностых имели место случаи, когда критика марксизма, и особенно ленинизма, зачастую напоминала ненаучное критиканство, а порою – злобные инсинуации.
- ⁴⁵ См., напр.: Вильчек В. Прощание с Марксом. Алгоритмы истории. М., 1993; Алтухов В.Л. Смена парадигм и формирование новой методологии // Общественные науки и современность, 1993. №1 и др.
- ⁴⁶ Прядеин В.С. Актуальные проблемы методологии историографических исследований. Екатеринбург, 1995. С.15, 21.
- ⁴⁷ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т.1. С.671. Эта цитата Г.В. Плеханова использована, например, в электронной публикации «Основные принципы научного исторического иссле-

- дования» для разъяснения, что такое социальный подход (см.: [Электронный ресурс] // Страницы истории [сайт] – URL: <http://storyo.ru/munchaev/04.htm> (дата обращения: 25.09.2015).
- ⁴⁸ Аникеев А.А. Методология классической историографии. Учеб. пособие. Ставрополь, 2005. С.22.
- ⁴⁹ См.: Там же. С.23.
- ⁵⁰ Напомним (в контексте вышеизложенного), что понятие «научный подход» фигурирует в философии науки наряду с понятием «научный метод». Иногда их даже употребляют в качестве синонимов, что представляется не совсем обоснованным. Научный подход подразумевает компетентное исследование свойств и особенностей объекта изучения, установление его существенных признаков, свойств, качеств, закономерностей развития, связей, факторов, определяющих поведение. Он позволяет, в отличие от обыденного подхода, выявить и использовать глубинные, существенные системообразующие факторы, приблизиться к истинному знанию. Научный подход – комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и (или) практике, характеризующий конкурирующие между собой (или исторически сменяющиеся друг друга) стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей. Подход – широкое понятие. Исследователь, выбирая подход, определяет первоначальный вектор в работе, то есть он закладывает фундамент своих научных изысканий в работе, базируясь на котором, используя который, он пытается достичь поставленной научной цели. Подход определяет основной путь решения исследовательской задачи. Он раскрывает стратегию этого решения (более подробно см.: *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002; *Пуанкаре А.* О науке. М., 1990; *Ковальченко И.Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып.1 (119). М., 1995; *Ильин В.Ф.* Философия науки. М., 2003; *Новиков А.* Научный поиск: Философско-методологический анализ. М., 1994; *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М., 2007; *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, исторические типы. М., 2000 и др.
- ⁵¹ Вводная глава // Всемирная история. Учебник для вузов. М., 1997. [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер [сайт]- URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/vsem_ist/index.php (дата обращения: 28.09.2015).
- ⁵² В 2002 г. в историографическом вестнике А.Н. Сахаров, связав проблему кризиса в исторической науке с периодом острейшего политического и идеологического противоборства, заметил, что в современных условиях «российская историческая наука как раз выходит из кризиса... и вступает в новый плодотворный этап своей жизни» (*Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: Историографический вестник. М., 2002. С.6). См., также, напр.: *Искандеров А.* Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. №4. С.3-32.
- ⁵³ Чего только стоят усилия некоторых так называемых историков, пытающихся, например, обелить предательство генерала А.А. Власова в 1942 году (см.: *Александров К.М.* Армия генерала Власова, 1944-1945. М., 2006). В свое время, автор данной статьи дал этому так называемому историку жесткую отповедь в жанре развернутой научной рецензии (см.: *Ипполитов Г.М.* Почти догнавший горизонт и пленник своей концепции. Полемические заметки по поводу двух неравнозначных научных артефактов. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск: Мурманск, 2005. СОЛТИ. 616 с. *Александров К.М.* Армия генерала Власова, 1944-1945. М.: Язуз: Эксмо, 2006. 576 с. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и социальные науки. 2008. №1 (13). С.134-140).
- ⁵⁴ См., напр.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М. 1976; Методологические проблемы историко-партийной науки / Под общ. ред. Н.Н. Маслова и П.М. Шморгуна. Киев, 1976; *Варшавчик М.А., Спирин Л.М.* О научных основах изучения истории КПСС: Введение в историко-партийную науку. М., 1978; *Маслов Н.А.* Усиление внимания к проблемам методологии, историографии и источниковедения – важное условие дальнейшего развития историко-партийной науки // Вопросы истории КПСС. 1982. №3. С.147-150; *Его же.* Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования М., 1983 и др.
- ⁵⁵ См., напр.: *Овсянников В.И.* Принцип партийности и становление советской американистики: стоит ли ворошить прошлое? [Электронный ресурс] // История США. Материалы к курсу [сайт] – URL: <http://ushistory.ru/stati/17-historiography.html> (дата обращения: 18.09.2015); *Степанищев А.Т.* Принцип партийности в исследовании и преподавании истории [Электронный ресурс] // Чекист. RU. Информационно-аналитическое издание [сайт] – URL: <http://chekist.ru/article/2706> (дата обращения: 18.09.2015); *Ипполитов Г.М.* Принцип партийности в историографических исследованиях. Приемлем ли он сегодня? Дискуссионные размышления // Человек, ученый, гражданин: материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Басина. Т.2. Самара: СГПУ, 2009; *Камынин В.Д.* Указ. соч.; *Его же.* Историческая наука в России в конце XX столетия (методологические и концептуальные поиски) // Рубеж веков: Проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С.7-19 и др.
- ⁵⁶ Российский энциклопедический словарь. Кн.2. М., 2001. С.1148.
- ⁵⁷ См.: *Лачаева М.Ю.* Предисловие // Историография истории России до 1917 г.: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. В 2 т. М., 2003. Т.1. С.21.
- ⁵⁸ *Степанищев А.Т.* Принцип партийности в исследовании и преподавании истории [Электронный ресурс] // Чекист. RU. Информационно-аналитическое издание [сайт] – URL: <http://chekist.ru/article/2706> (дата обращения: 28.09.2015). В свое время автор данной статьи слушал лекции профессора А.Т. Степанищева в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Они всегда отличались высоким уровнем ораторского искусства лектора. Это чувствуется и в его научных статьях.
- ⁵⁹ *Степанищев А.Т.* Указ. соч.
- ⁶⁰ *Ефремов В.Я.* Деятельность властных структур по укреплению морального духа вооруженных сил Советского государства (1918-1991 гг.). Историографи-

ческое исследование. Дисс. ... докт. ист. наук. Самара, 2007. С.45, 46.

⁶¹ Бочаров А.В. Алгоритмы использования основных научных методов в конкретно-историческом исследовании. Учебное пособие. Томск. 2007. [Электронный ресурс] // Научная страница «Титан» [сайт]

– URL:<http://www.refvid.ru/algoritmi-ispolzovaniya-osnovnih-nauchnih-metodov-v-konkretno/> (дата обращения: 28.09.2015).

⁶² Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57000 слов. Изд. 10-е, стереотип./ Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1973. С.139.

**WHAT IS THE «PARTY SPIRIT» IN HISTORICAL SCIENCES:
IRRELEVANT LEGACY OF SOVIET TIMES, OR CURRENT METHODOLOGICAL TREND?
(DISCUSSION NOTES)**

© 2015 G.M. Ippolitov

Volga Branch of Institute of the Russian History of the RAS, Samara

The author discusses the principle of the “Party spirit” in the historical sciences in the Soviet period, as well as in the current historical works.

Keywords: Party spirit, Karl Marx, Friedrich Engels, Vladimir Lenin, methodology, Soviet period, Marxism-leninism, objectivity, social approach.

Georgij Ippolitov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Professor of the Department of Philosophy of Volga State University of Telecommunications and Informatics, Samara. E-mail: gippolitov@rambler.ru